

Г. Кубишова

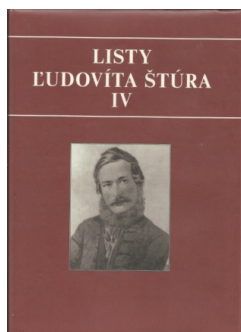
Переписка Людовита Штура с русскими славистами

Аннотация: Автор анализирует переписку Л. Штура с русскими славистами. Письма словацкого ученого дорисовывают картину общественно-политической ситуации в Словакии, послереволюционное разочарование штуровского поколения. Вместе с тем они являются подтверждением теплых, дружеских отношений между словацкими и русскими учеными. Многих из них Штур знал лично, поддерживал с ними связи до последних дней своей жизни. Адресатами его писем были русские слависты И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, М.Ф. Раевский.

Ключевые слова: переписка, эпистолярный стиль, общественно-политическая ситуация, разочарование штуровцев после революции 1848 года

Abstract: The autor introduces the correspondence between L. Štúr and Russian Slavists. In his letters Štúr described complicated picture of the social, political and literary situation in Slovakia and disapointment of the Štur's generation after the 1848 Revolution. On the other hand, those letters are proof of warm relationship between Slovak and Russian scientists. L. Stur knew alot of them personally and he was corresponding with them untill the end of his life. Štúr's letters were addressed to Russian Slavists I.I. Sreznevskij, O.M. Bodanskij and M.F. Rajevskij.

Key words: correspondence, social and political situation, epistolary style, disapointment of the Štur's generation after the 1848 Revolution

Людовит Велислав Штур – словацкий филолог, общественный и политический деятель, журналист, философ, лингвист – на протяжении всей жизни активно взаимодействовал с русскими славистами, многих из них знал лично, часто с ними переписывался. Все это подтверждает обширная корреспонденция Л. Штура, которая была издана в четырех томах под названием «Письма Людо-

вита Штура»¹. Первые три тома составил и прокомментировал Йозеф Амбруш, четвертый том опубликован с комментариями Карола Матулы. В своем сообщении мы с помощью некоторых примеров из этой корреспонденции попытаемся представить картину общественно-политической жизни Словакии середины XIX в. глазами Л. Штура и его русских друзей.

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), русский филолог, этнограф, был особенно близок Л. Штуру. Обоим их увлекала славянская идея. Сведения об их знакомстве существенно разнятся. По одним данным Штур познакомился со Срезневским в 1839 г. у лужицких сербов, по другим, по всей вероятности, они встретились в Галле в феврале 1840 г. Об этой встрече Срезневский вспоминает в своем произведении «Путевые письма Срезневского из славянских земель» (СПб., 1895). Заметим, что по словацкой земле он путешествовал в марте-июле 1842 г.

Обр. 2. Вырезка из карты: Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель (СПб., 1895. С. 376).

В общей сложности Й. Амбруш опубликовал 8 писем Штура, адресованных Срезневскому. В первом дошедшем до нас письме Штур пишет: «Ваше письмо я прекрасно понял, будьте так добры, и впредь пишите мне по-русски!» Через некоторое время Штур и Срезневский должны были встретиться в Праге, однако эта встреча не состоялась, так как русский славист выбрал для путешествия иной маршрут. В это время Штур вспоминает о своей встрече с русским славистом П.И. Прейсом, посетившим Словакию. В обширном письме, датированном 1843 г., Штур напоминает Срезневскому о поездке русского слависта по Словакии и восхождении на Кривань. Он пишет: «Татры в отличие от немецких Альп не такие мрачные, замшелые, они – светлые, гостеприимные; вероятно, Ты с любовью вспоминаешь о них, потому что Тебе они понравились».

В книге «Народные прогулки по Криваню» исследователь Гоудек пишет: «16 июня 1842 г. в сопровождении нескольких словацких патриотов был на Криване Измаил И. Срезневский, профессор славянской филологии из петербургского университета, который в это самое время работал над своими статьями в Словакии. Один из ее участников – Богуслав Носак-Незабудов, подающий надежды поэт-штуровец, в то время евангелический священник в Липтовском

¹ ПЛШ* – Listy Ľudovíta Štúra.

Св. Микулаше, – написал тогда упомянутому славному славянскому ученому стихотворение...» (цит. по: [Гоудек / Houdek 1951]. О настроении, которое царило во время этого путешествия, свидетельствует стихотворение «Незабудки криваньские», написанное Б. Носаком-Незабудовым [Кубишова 2012: 64–70].

NEZÁBUDKY KRIVÁŇSKE

*Slovutnému mužovi, profesorovi
IZMAELOVI SREZNEVSKÉMU
Od Šajavského*

Brat moj, na snežnom Kriváni my stáli,
smutno sme vo hmle šedivej seděli,
naším sa spevom balvany ozvali,
my květné kraje pod sebou viděli.
A keď sa tichých pohli vetrov vania,
spievali sme im pieseň zmŕtvychvstania.
My tu v nadšení ako bratia stáli.
ó, by sme večne i bratmi zostali.

Brat moj, po skalinách Kriváňa mochnatých
my s jeho vetrami dolu sme letěli,
chodiac kolo plesov po stranách květnatých,
o vlasti Slovanov oba sme mysleli.

(Úryvok. Almanach Nitra. 1842. S. 182–184)

*Bohuslav Nosák-Šajavský (1818–1877)

(= Bohuslav Nosák-Nezabudov)

**Текст в первоначальной орфографии.

НЕЗАБУДКИ КРИВАНЬСКИЕ

*Знаменитому мужу, профессору
Измаилу Срезневскому
от Шаявского*

Брат, мы на снежном Криване стояли,
Веяло грустью во мгле серебристой,
Скалы, как идолы, мрачно молчали,
Помыслы были прекрасны и чисты.
Ветер подул, и зажглась наша песня,
Родина милая, вспомни, воскресни.
Связаны верой, мечтой и любовью,
Братьями вечно пребудем с тобою.

Брат, мы по склонам отвесным летели,
Дали отвагу и силу ветра нам.
В дальних скитаньях мы оба хотели,
Чтобы свобода сияла Славянам.

(Отрывок. Альманах Нитра. 1842. S. 182–184)

*Богуслав Носак Шаявски (1818–1877)

(= Богуслав Носак Незабудов)

**Перевод: Д. Ващенко (7. апр. 2012)

В одном из своих писем Штур с возмущением описывает политические события 1843 г., в частности, игнорирование властями требования словаков относительно разрешения издавать газету «Словенские новости», которое было предложено королевскому совету 16 августа 1843 г. В заключение письма Штур сообщает, что второй номер альманаха «Нитра» также был запрещен цензурой. (Срезневский был в числе подписчиков этого номера.) Кроме того, Штур делится со Срезневским горем по поводу кончины своего старшего брата Карола в 1851 г. Он пишет: «Ты, побывавший когда-то на берегах Дуная, мило провел праздники Воскресения у брата моего и обнял его как брата и друга» (1851).

После смерти брата Карола семь детей остались в местечке Модра сиротами, и Штур взял на себя заботу об их воспитании. В то время он был очень разочарован невыполнением политических обещаний, касающихся равноправия народов в Австрийской империи. В следующем письме от 1844 г. Штур описывает уход словацких учащихся из братиславского лицея в Левочу, вызванный запретом ему на преподавательскую деятельность. Он пишет: «Молодежь

Dobrovolnícka.

Nad Tatrou sa bliska, hromi divo bijú ::
Zastavme jich bratja, veď sa oni stratja
Slováci ožiju ::

To Slovensko naše dosjal tvrdo spalo ::
Ale bleski hromu zbuduju ho k tomu
Abi sa prebralo ::

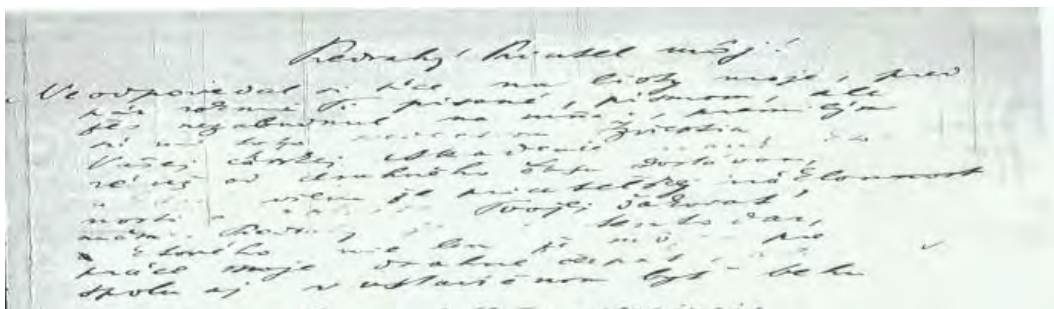
Ešte jedle rastú na krivánskej stráne ::
Kdo Slovenski cífi, nech sa šable chífi
A medzi nás staňe ::

Už Slovensko stáva, putá si strháva ::
Hej rodina mila, hodina odbila
Žije matka Sláva ::

наша, которая, преодолевая льды и снега, добиралась до Левочи, была принята там с уважением и восхищением...» Именно во время этого путешествия студентов впервые прозвучала песня Янко Матушки «Над Татрами сверкает...», которая сегодня является гимном словаков.

В коротком письме Срезневскому (1853) Штур упоминает свой труд «О народных песнях и повестях племен славянских», который он послал Срезневскому через М.Ф. Раевского. И наконец в последнем письме (1855) он благодарит за книги, которые ему посылали русские слависты. В последних строчках этого письма Штур пишет о прощании с поэтом Яном Голлы, с которым Срезневский был также лично знаком:

«Драгоценный друг мой! Хоть ты и не ответил посланием на мои письма, отправленные тебе несколько лет назад, но ты не забыл обо мне, приятнейшим свидетельством чего являются “Известия” Вашей императорской Академии наук, которые я получаю уже длительное время и за которые, я знаю, должен благодарить дружеское расположение и доброту твою. Чрезвычайно дорог мне этот дар, благодаря которому я могу изыскивать многочисленные материалы для моих работ и одновременно быть постоянно информированным о деятельности Вашей» [ПЛШ IV, 6. 6. 1855: 309].

В изученном нами материале есть одно довольно большое письмо Срезневского, адресованное Штуру (1842). Русский славист написал его на пароме по пути в Эстергом после трогательного прощания в Братиславе. Письмо было не окончено и по всей вероятности не отослано. Оно хранится в литературном архиве в Москве. До Эстергома Срезневского провожал единомышленник и друг М. Годжа, затем вместе они продолжали свой путь в Пешт к Яну Коллару с целью обсудить некоторые вопросы по поводу труда Л. Штура, касающегося национальных требований словаков, адресованных королю Фердинанду V¹. Русский славист вспоминает посещение Банской Штявницы (18 мая 1842 г.), размышляет по поводу неясной этимологии названия вершины Ситно (от словацкого «сито», или Ад, или же «пропасть» от старонемецкого «Saut»), на которую он взобрался 16 мая. 17 мая он посетил шахту, город Кремница с монетным двором, град Шашов и Банску Быстрицу.

¹ Slovenský prestolný prosbopis 1842 (publikovaný v diele: ORMIS, J.MO reči a národe. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1973, s. 549–555. www.stur.sk/spisy/spisy.htm

В своих отзывах, которые были опубликованы в научных изданиях, Срезневский высоко оценивал труды словацких ученых, выступал в поддержку языковой реформы Л. Штура. Что касается позиции Срезневского по проблемам словацкого языка, то он, еще будучи молодым, во время своего пребывания в Словакии однозначно симпатизировал словакам. Но, к сожалению, «на склоне жизни, в силу разных обстоятельств, Срезневский отказался от прежних воззрений и стал рассматривать словацкий язык как наречие чешского языка» [Досталь 2007: 17] в духе сторонников словакизированной формы чешского языка во главе с Яном Колларом.

Интересно, что в письме к Срезневскому от 1842 г. Штур, живя на берегах Дуная, по примеру своих русских друзей подписался с отчеством: Людовит Самуэлович Штур.

Осип Максимович Бодянский (1808–1877), русский славист украинского происхождения, археограф, в 1837 г. защитил магистерский труд «О народной поэзии славянских племен», в том же году был командирован на пять лет в славянские земли для прохождения стажировки и получения звания профессора; работал он и в Праге под руководством П.И. Шафарика¹.

Л. Штур познакомился с Бодянским во время своего пребывания в Праге (22 сент. –17 окт. 1838 г.) и с тех пор поддерживал с ним тесные и плодотворные научные связи. Бодянский однозначно одобрял штуровскую реформу и публикацию штуровского трактата «Славянство и мир будущего» (1867) в престижном научном издании «Чтения Московского общества истории и древностей российских», где он был редактором. Оригиналы писем (7, 8, 21, 29, 40) хранятся в особом фонде Бодянского в отделе рукописей Т.Г. Шевченко в Киеве. Все письма Бодянскому опубликованы в ПЛШ IV (см. сноску: [Matula: 267]).

В первом письме от 1843 г. Штур выражает разочарование по поводу того, что Осип Максимович во время своего путешествия не смог посетить Словакию. Он пишет: «...наша надежда порадоваться вместе с вами в Татрах наших, многоуважаемый Славянин, осталась не осуществленной...» Далее следует анализ национальных проблем и сообщается о том, что уже вышли в свет долгожданные путешествия Коллара, а также второй номер альманаха «Нитра» на новом, кодифицированном Штуром словацком языке. В следующем письме от 18 апреля 1844 г. Штур сообщает о литературном размеже-

¹ Кондрашов Н.А. О.М. Бодянский. М., 1956.

вании в Словакии «“евангелической и католической партий”, что является для нас, особенно в нынешние бурные времена, большим несчастьем». Он описывает погром в братиславском лицее, уход из него в знак протеста революционно настроенной молодежи в Левочу 5–6 марта 1844 г.

Позже, спустя 2 года после поражения революции 1848 года, Штур выразил глубокое разочарование словаков следующим образом: «...подобно союзническим войскам австрийским мы держали наготове мечи почти год и сражались в количестве 20 000 человек... за это австрийское правительство обещало нам равноправие с другими народами, но не сдержало своего обещания. – Немцы!» [15.12.1850: 38–40]. И, наконец, последнее письмо, написанное латиницей на русском языке, воссоздает печальную картину литературной ситуации в Словакии того времени: «Поздно пишу я, но я не виноват. Если бы было, о чем писать, я не пропустил бы ничего, но, к сожалению, ничего нет. Наша литературная жизнь опустела, наши старики умерли, молодые наши все в делах, и от них едва ли можно чего-нибудь ожидать, осталось лишь нас несколько, мы трудимся все на национальной ниве и готовим что-то, но нами всеми какая-то странная тревога и печаль овладела» [ПЛШ IV, 13. 6. 1855: 55]. Завершая это письмо, Штур называет около десятка русских исторических и литературных публикаций, которые нужны ему для его научной работы, и просит прислать их.

Михаил Федорович Раевский (1811–1884) – религиозный деятель, писатель, был священником, с 1842 г. настоятелем русской посольской церкви при русской церкви в Вене, где и прожил 42 года – до своей смерти. Взгляд его на положение славянства в Австрии и, в частности, русских в Галиции выражен им в статье «О национальном и религиозном движении русского народа в Галичине» («Христианское чтение», 1862)¹.

Штур познакомился с Раевским скорее всего в Вене в конце 1844 г., когда посетил министерство с целью получения разрешения на издание своей газеты и создание общества «Татрин». (С 1845 по 1848 издавалась «Словацкая народная газета» (*Slovenskje národňje Novini*) с литературным приложением «Татранский Орёл» (*Orol Tatránski*). Он поддерживал активную переписку с Раевским до конца жизни. Их переписка содержит 14 писем (в настоящее время все находятся в ЛЛШ IV). Изначально они сохранились в архиве Раевского, затем оказались у русского коллекционера Щукина, а в 1905 г. были переданы им Русскому историческому музею в Москве. Письма написаны в значительной степени словакизированным русским языком на латинице (некоторые письма были написаны частично по-сербски). И только письмо 14 написано кириллицей.

В первом из них (09.12.1844) Штур выражает большое восхищение русским славянофилом: «Не могу вам передать, – пишет он, – какое впечатление Вы, Ваша великая любовь к делам нашим произвели на меня». Нередко письма носят информативный характер; например, в одном из них [13.02.1853: 43] он пишет о публикации Матицей чешской своего труда, написанного на чешском языке под названием «О народных песнях и повестях племен славянских». Большая часть писем содержит прагматичные заметки,

¹ Биографический словарь. 2000.

адресованные Раевскому, который обеспечивал воспитание сербского юноши под руководством Штура в Модре; Константин (Костя) Костич был в том время юнкером в Санкт-Петербурге и намеревался продолжить образование в славянском духе.

Штур регулярно информировал Раевского о пребывании студента в Модре, а также о необходимых расходах. Во многих письмах он сообщает о контактах с другими славянскими деятелями, об их посещениях и произведениях, которыми они обменивались. Он просит Раевского (30.6.1854), чтобы тот послал ему историю рода Романовых, произведения Котляревского о Малороссии. И Раевский в скором времени их ему послал. Уже через пару месяцев (5.10.1854) Штур с благодарностью отвечает ему: «За книги благодарю Вас самым сердечным образом...» Нередко обмен осуществлялся с помощью словацкого патриота писателя Карола Кузмани, который позже стал председателем Матицы словацкой. Иногда Штур ожидал почту месяцами; например, он пишет Раевскому: «Поздно я получил Ваше письмо, отосланное 21 января. Только вчера, вместе с письмом получил и деньги, и «Известия» [16.04.1855: 54–55]. Это письмо было отправлено через родственника Диониза Штура: «Мой родной, Диониз Штур, член геологического общества в Вене, образованный и почтенный молодой человек, принесет Вам это письмо. И я очень рад буду поговорить с Вами, но это для меня трудно. И я боюсь, как и Вы, возможно беспричинно, но боюсь»¹. Одно из последних писем Штура является доказательством того, что Раевский обеспечивал передачу писем другим русским славистам: «Я переслал Вам несколько писем, одно из них – для Измаила Ивановича, другое – для Бодянского и для Костича, вы их получили? Известите меня об этом через моего знакомого, который мне часто пишет» (30.06.1855). И, наконец, последнее письмо [14.10.1855: 58], написанное уже кириллицей: в соответствии с личной договоренностью в мае 1855 г. в Братиславе Раевский принял по рекомендации Штура братьев Мудронёвых в университете в Вене. В заключение звучит послереволюционная безнадежность: «Мы несчастны и нет нам утешения».

Единственное письмо Раевского имеет информативный характер, кроме сообщения о посылке газет в нем речь идет о приеме сербского студента Костича: «С вашими условиями мы согласны и с благодарностью просим принять Котича на воспитание». Оно содержит также предложение о встрече в Вене или в Братиславе [ПЛШ IV: 139].

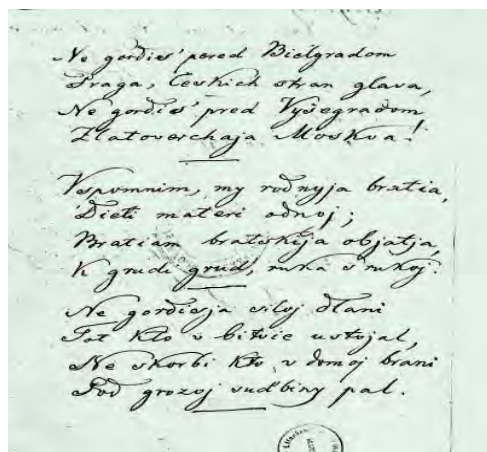
Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) русский поэт, философ, основоположник раннего славянофильства, был для Штура вдохновляющим примером. В архивах Словацкой национальной библиотеки (СНБ) в Мартине хранится редкая копия стихотворения Хомякова «Не гордись перед Белградом». Стихотворение было написано в Праге 20 июня 1847 г., за год до Славянского съезда в Праге, который состоялся 12 июня 1848 г.). Оно сохранилось в архивах чешского поэта и филолога Вацлава Ганки, через него Штур и получил его. Восхищенный всеславянской идеей, прозвучавшей в этом стихотворении, Штур собственноручно переписал его латиницей.

¹ [ПЛШ IV, Matula: 194]. Эти опасения Штура касались поражения России в Крымской войне и его последствий.

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоверхая Москва!

Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной,
Братьям братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!

Не гордись силой длани
Тот, кто в битве устоял;
Не скорби, кто в долгой брани
Под грозой судьбины пал.

В общей сложности издание «Письма Людовита Штура» содержит 5 писем Бодянскому, 8 писем Срезневскому и 14 писем Раевскому. Из ответов Л. Штуру опубликованы всего два письма: одно от Срезневского, другое от Раевского. Письма Штура являются убедительным доказательством плодотворного сотрудничества словацких и русских славянофилов. Штур с болью и одновременно с национальной гордостью пишет в них о сложной ситуации в Словакии: «Жили мы здесь в период ужасных бурь, в которых и Словак, спустя тысячелетия, восстал на борьбу за жизнь свою...» [ПЛШ IV, Бодянскому, 15.12.1850].

ЛИТЕРАТУРА

Будагов Л.З. Биографический словарь. 2000. dic.academic.ru/dic.nsf/

Досталь М.Ю. Срезневский и его вклад в славистику // И.И. Срезневский и история славяно-русской филологии: тенденции в науке, образовании и культуре. Рязань, 2007. С. 15–17.

Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель. СПб., 1895.

Кондрашов Н.А. О.М. Бодянский. М., 1956.

Кубишова Г. Образ Словакии и портреты словаков в творчестве И.И. Срезневского // Наследие академика И.И. Срезневского и славянский мир: языки, культура, образование [к 200-летию со дня рождения ученого]: сб. научн. тр. Международного научного симпозиума, 22–23 мая 2012 г. / Отв. ред.: Е.В. Архипова, О.Е. Воронова. Рязань, 2012. С. 64–70.

Хомяков А. Не гордись перед Белградом... libverse.ru/homyakov/ne-gordis-pered-belgradom.html

Listy Ľudovíta Štúra I. 1834–1843. Bratislava: Vydavateľstvo SAV 1954, 637 s. Zost. a poznámky Jozef Ambruš. I.I. Srezněvskému, s. 183, s. 353.

Listy Ľudovíta Štúra II. 1844–1853. Bratislava: Vydavateľstvo SAV Bratislava 1956, 566 s. Zost. a poznámky Jozef Ambruš.

Listy Ľudovíta Štúra III. 1834–1843. Dodatky. Bratislava: Vydavateľstvo SAV Bratislava 1960, 378 s. Zost. a poznámky Jozef Ambruš.

Listy Ľudovíta Štúra IV. 1834–1843. Dodatky. Zostavil a pozn. Vladimír Matula. Bratislava: Národné literárne centrum – Dom slovenskej literatúry Bratislava 1999, 338 s.

Nosák-Nezabudov (Šajavský) B.: Nezábudky krivá ľnske (Nitra, almanach 1842, s. 182–184).

Štúr, Ľudovít – Sreznevskij, Izmail I., korešp., 1842, Martin: SNK ALU fotokópia, 1 jd. 187. T. 25.

Ne gordis pered Bielgradom. Odpis básneĽ. Štúrom. Martin: SNKALU, sign. 26. C. 10.

Сведения об авторе:

Гедвига Кубишова,
докт. философских наук
философский факультет
Университет Матей Бела в Банской Быстрице

Hedviga Kubišová,
PhD, PaedDr.
Faculty of Philosophy
Matej Bel University in Banska Bystrica
hkubisova@centrum.sk